

ОДИССЕЙ

человек в истории



Исторический синтез и научное наследие А.Я. Гуревича

В этом номере:

Скандинавская мифология

История и литература

Историческая география



2025 №1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ОДИССЕЙ
Человек в истории

*Исторический синтез
и научное наследие А.Я. Гуревича*

2025
№1

Москва
ИВИ РАН 2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS
Man in History

*Historical Synthesis
and the Scholarly Legacy of A. Ya. Gurevich*

2025
№1

Moscow
IWH RAS 2025

УДК 94

ББК 63.3(0)

О 42

Издание основано в 1989 году

А.Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.), Н.А.
БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь), О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А.
ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.; отв. ред.), О.В. ОКУНЕВА, М.Ю.
ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, А.А. ПАНЧЕНКО, Л.П. РЕПИНА, Ж.-К.
ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук А.И. СИДОРОВ
кандидат исторических наук Н.А. СМИРНОВА

Одиссей. Человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989.–

ISSN 1607-6184

2025. №1 (34): Исторический синтез и научное наследие А.Я. Гуревича / [гл. ред. А.О. Чубарьян; отв. ред. С.И. Лучицкая]. - М.: ИВИ РАН, 2025. - 354 с.

Весь настоящий выпуск журнала «Одиссей. Человек в истории» посвящён материалам конференции, состоявшейся осенью 2024 г. и приуроченной к 100-летию со дня рождения выдающегося российского учёного, одного из ведущих представителей «новой исторической науки» XX века — А.Я. Гуревича. Тематика конференции охватывала широкий круг вопросов, связанных с творческим наследием учёного: от скандинавистики и социальной и культурной истории средневековой Европы до исторической теории и изучения самой истории исторического знания. Публикуемый том отражает богатство и многообразие научных интересов А.Я. Гуревича и демонстрирует жизнеспособность и актуальность созданного им направления — исторической антропологии.

Издание адресовано специалистам в области гуманитарных наук, студентам, а также всем, кто интересуется историей и современными подходами к её изучению.

© Коллектив авторов, 2025
© Лучицкая С.И., отв. ред. выпуска, 2025
© Институт всеобщей истории РАН, 2025

Оглавление

А.Я. Гуревич и Историческая Антропология

«Человек в истории»: гуманистические аспекты исследовательской парадигмы А.Я. Гуревича в работах 1970—2000-х гг. 9

Бычков П.С.

«Проблемы средневековой народной культуры» и полемика о смехе на Руси 28

Трахтенберг Л.А.

Исследования истории ереси и инквизиции как направление в современной историографии 51

Бакус Г.В.

Некоторые замечания о проблематике понятия «Другого» у А.Я. Гуревича и в современных общественных науках 81

Левинсон К.А.

Картины мира и стили мышления в средневековой Европе: постановка проблемы 95

Воскобойников О.С.

Скандинавская Мифология

Время древнескандинавской мифологии 123

Мельникова Е.А.

«Прядь о Торстейне Морозе»: inferнальное, страх и смех в отхожем месте (Эпоха викингов и Средневековый Восток) 145

Петрухин В.Я.

Древнеисландское «Видение Раннвейг» в контексте переводных скандинавских видений 161

Матюшина И.Г.

История и Литература

Средневековый мотив «адской охоты»: от ехемпла к новелле.....191
Стаф И.К.

«Книга путешествий» Джона Мандевила и ее английские критики
XVII в. 209
Тогоева О.И.

Николай Греч как русский Нодье? Эпизод из истории русско-фран-
цузских литературных отношений 226
Мильчина В.А.

Из Истории Повседневной Жизни

Парижане под надзором полиции: деятельность секретных агентов
во второй половине XVIII в. 243
Пименова Л.А.

Советские медиевисты в роли идеологов: Е.А. Косминский на посту
главного редактора журнала «News» в 1952–1956 гг. 264
Шарова А.В.

Историческая География

Рождение *Норвегии* в географическом воображении допетровской
России 301
Толстиков А.В.

Хроника Научной Жизни

Конференция, посвященная 100-летию А.Я. Гуревича, 30 октября
— 1 ноября 2024 г., ИВИ РАН 335
Лучицкая С.И.

Об Авторах

Abstracts

Contents

A.Ya. Gurevitch and Historical Antropology 9

«Man in History»: Humanistic Aspects of the Research Paradigm of A.Ya. Gurevich in His Works of the 1970—2000s
P.S. Bychkov 9

«Mediaeval Popular Culture» and the Discussion about Laughter in Old Rus'
L.A. Trakhtenberg 28

Heresy and Inquisition Studies as a Trend in Recent Historiography
G.V. Bakus 51

Some Remarks on the Trajectories of the Concept of the «Other» in the Humanities of the Late 20th century
K.A. Levinson 81

Worldviews and Styles of Thought in Medieval Europe: Framing the Problem
O.S. Voskoboïnikov 95

Old Norse Mythology 123

Time in the Old Norse Mythology
E.A. Mel'nikova 123

The Tale of «Thorsteinn the Frost»: Infernal, Fear and Laugh in the Latrine (Viking Age and Medieval East)
V.Ya. Petrukhin 145

Leizla Rannveigar in the Context of Old Norse Translated Visions
I.G. Matyushina 161

History and Literature 191

The «Hell-Hunting» Motif: Exempla and Novella
I.K. Staf 191

The «Book of Travels» by John Mandeville and its English Critics of the 17 th century <i>O.I. Togoeva</i>	209
Nikolai Grech as a russian Nodier? An Episode from the History of Russian-French Literary Relations <i>V.A. Milchina</i>	226
From the History of Everyday Life	243
Parisians under Supervision: The Activities of Secret Police Agents in the Second Half of the 18 th Century <i>L.A. Pimenova</i>	243
Soviet Medievalists as the Ideologists: E.A.Kosminski as Editor-in-Chief of «News» Magazine in 1952-1956s. <i>A.V. Sharova</i>	264
Historical Geography	301
The Birth of 'Norway' in Pre-Petrine Russia's Geographical Imagination <i>A.V. Tolstikov</i>	301
Chronicle of Scolary Life	335
The Conference in Honor of 100 th Anniversary of A.Ya. Gurevitch, Okt. 30 — Nov. 1, 2024. IWH RAS, Moscow <i>S.I. Luchitskaya</i>	335
List of Authors	341
Abstracts	345

Парижане под надзором полиции: деятельность секретных агентов во второй половине XVIII в.

Пименова Л.А.

DOI: 10.32608/1607-6184-2025-34-1-12

Аннотация: Статья посвящена деятельности тайных агентов парижской полиции по сбору информации об умонастроениях в Париже второй половине XVIII в. Источником для нее послужили фрагментарно сохранившиеся полицейские донесения с 1740-х до 1781 г. Ранее этот источник привлекался историками для изучения общественного мнения в Париже первой половины — середины XVIII в. В данной статье ставится задача изучить, какая информация попадала в поле зрения тайных агентов и являлась ли она полезной для начальника парижской полиции. Сообщая сведения о международной обстановке и военных действиях, великосветской жизни, перестановках в правительстве, городских новостях, необычных происшествиях, театральных и литературных событиях, агенты обращали внимание не столько на то, что могло быть важным для поддержания порядка в городе, сколько на то, что им просто казалось интересным. На содержание их донесений оказали влияние широко распространенные в это время газеты, в том числе рукописные новостные листки.

Ключевые слова: Война за независимость Америки, К.-В. фон Глюк, конец Старого порядка, С.-Н.-А. Ленге, общественное мнение, Париж XVIII века, парижская полиция, пресса XVIII века

А.Я. Гуревича всегда живо интересовали культура и общество прошлого, увиденные и описанные самими современниками. Этой теме и посвящена статья, основанная на донесениях секрет-

ных агентов начальнику парижской полиции. Составленные ими тексты должны были содержать информацию об уличной преступности, беспорядках, а также о разговорах и слухах в публичном пространстве города. Их донесения дают возможность понять, какие люди и происшествия попадали в поле зрения полиции.

Использованный источник называется пространно и не совсем обычно: *Газетки¹ секретной полиции, составленные для генерального наместника, и некоторые рукописные новости, где со дня на день передаются толки при Дворе и в городе, на публичных променадах, в салонах и кафе²*. В Библиотеке Арсенала в Париже хранятся такие тексты за период 1724 — 1781 гг. Из имеющихся 16 досье я изучила одно, содержащее документы середины — второй половины XVIII в.³.

Донесения агентов, наряду с другими документами, прессой и записками современников, в свое время послужили источниками для известных книг Арлетт Фарж и Жака Ревеля о ходивших в Париже в 1750 г. слухах про похищение детей и о распространении общественного мнения в XVIII в.⁴ В отличие от их исследований, основанных на текстах более раннего времени, в моем распоряжении были преимущественно донесения 1770-х гг. Хотя по сохранности они и уступают существенно донесениям 1720 — 1730-х гг.⁵, но оставшиеся разрозненные документы конца Старого порядка тоже

¹ Жиль Маланден, изучавший донесения, составленные в 1720-х — 1740-х гг., назвал «немного загадочным» (un peu énigmatique) употребление этого термина применительно к полицейским донесениям. См.: *Malandain*. 1995: 376 — 404.

² Bibliothèque de l' Arsenal. Archives de la Bastille. 10155 — 10170. *Gazetins de la police secrète rédigés pour le lieutenant général, et quelques nouvelles à la main, où sont consignés au jour le jour les propos de la Cour et de la ville, des promenades publiques, des salons et des cafés.*

³ Досье под № 10169 содержит документы 1743 — 1748, 1754, 1764 и 1770-1781 гг. При этом донесения за 1775 и 1778 — 1779 гг., а также относящиеся к последним годам Старого порядка отсутствуют. Связано это с тем, что Жан-Шарль-Пьер Ленуар, занимавший пост начальника парижской полиции в 1774 — 1775 и после небольшого перерыва в 1776 — 1785 гг. перестал регулярно отправлять свои бумаги в Архив Бастилии. Это обстоятельство нельзя считать вопиющим правонарушением, поскольку особенности делопроизводства при Старом порядке не предполагали строго разграничения между публичной и частной корреспонденцией, и официальные бумаги вполне могли оседать в личных архивах министров и иных должностных лиц.

⁴ *Farge, Revel*. 1988: 126-129; *Farge*. 1992: 37 — 41, 44 — 48.

⁵ Как отметила Фарж, полностью сохранилась коллекция донесений за 1725 — 1741 гг. (*Farge*. 1992: 37).

дают исследователю пищу для наблюдений и размышлений.

В это время парижане полицию особенно не любили. Негативное отношение к ней, сложившееся во второй половине XVIII в., выразил литератор Луи-Себастьян Мерсье: «Полиция — это сборище негодяев — делится на две половины: из одной создаются полицейские шпионы, сыщики; из другой — стражники и пристава, которых науськивают потом на жуликов, мошенников, воров и прочих, подобно тому как охотник науськивает собак на лисиц и волков. За шпионами следуют по пятам другие шпионы, которые следят за тем, чтобы первые исполняли свои обязанности. Все они взаимно обвиняют один другого и готовы пожрать друг друга из-за самой гнусной добычи. И вот из этих-то омерзительных подонков человечества родится общественный порядок!»⁶.

Ведомство генерального наместника парижской полиции, в недрах которого появились донесения-«газетки», было создано Людовиком XIV в 1667 г. Начальник полиции считался должностным лицом городского суда Шатле (*officier du Châtelet*) и подотчетным Парижскому парламенту, но фактически по рангу был равен министру, так как назначался королем и отчитывался напрямую перед ним.

Столичная полиция состояла из двух частей. Во-первых, в нее входили 20 подчиненных Парламенту комиссаров, по одному в каждом квартале⁷. Как отмечали Фарж и Ревель, местные жители их знали, уважали и обращались к ним, когда надо было уладить конфликты⁸. Они отчитывались перед начальником полиции о ситуации в своем квартале⁹. Во-вторых, существовал корпус инспекторов, подчиненный непосредственно генеральному наместнику полиции, который по своему усмотрению их набирал и платил им жалование. Сначала инспекторов было 40, затем их число сократили до 20, уравнивая с количеством комиссаров, но они отвечали не

⁶ Мерсье. 1995: 65.

⁷ Речь идет о полицейских кварталах, созданных в результате реформы 1701 — 1703 гг. Наряду с ними существовало 16 административных кварталов, или округов, сложившихся исторически и официально оформленных в XV в. См.: Favier. 1997: 119 — 123. Административные кварталы имел в виду Ленуар, когда писал, что Париж до революции делился на 16 округов. См.: Lenoir. 2011: 944.

⁸ Farge, Revel. 1988: 54 — 55.

⁹ Milliot. 2011: 237 — 247.

за квартал, а за определенную сферу общественного порядка¹⁰. В частности, им полагалось следить за тем, что парижане делают и говорят. Как писали Фарж и Ревель, «их деятельность была одновременно секретна и известна всем»¹¹. Об их происхождении и профессиональной подготовке мы знаем мало. В отличие от комиссаров, принадлежавших к числу судебных, инспекторов набирали, по свидетельству начальника полиции Ж.-Ш.-П. Лемуара, из военных с офицерским званием¹². В подчинении у инспекторов находились младшие инспекторы и полицейские агенты, число которых не ограничивалось¹³. Существовала также сеть набираемых и оплачиваемых начальником полиции информаторов, пренебрежительно именовавшихся мушарами, или мухами (*les mouches*), с помощью которых он стремился узнать секреты города.

По мнению историка парижской полиции Венсана Мильо, негативное отношение к ней парижан сложилось под влиянием двух обстоятельств. Во-первых, полиция возникла в Париже как часть патерналистского государства, призванная гарантировать гражданам благоденствие, в том числе обеспечить их продовольствием. Одной из задач полиции был надзор за рынками и предотвращение спекуляции. По этой функции нанесли удар физиократические реформы начала 1760-х гг. Введенная свобода хлебной торговли привела к росту цен, а полиции приходилось усмирять народные волнения, вызванные дороговизной продуктов, т.е. защищать спекулянтов от народа. Во-вторых, 30 мая 1770 г. в Париже с его огромным для того времени населением, достигшим 600 — 700 тыс. чел., произошла катастрофа: во время фейерверков по случаю бракосочетания дофина Людовика и австрийской эрцгерцогини Марии-Антуанетты началась давка, в которой погибли 132 человека и сотни были ранены. Это событие дискредитировало полицию в глазах парижан: получалось, что она плохо справляется с поддержанием порядка в городе и обеспечением безопасности его жителей¹⁴.

Как у жителей Парижа сложилось мнение о полиции, так и у полицейских было свое представление о городе и его жителях. Лемуар делил население столицы на три категории: низшую, среднюю

¹⁰ *Farge, Revel*. 1988: 54 — 55.

¹¹ *Farge, Revel*. 1988: 55.

¹² *Milliot*. 2011: 253 — 262.

¹³ *Lenoir*. 2011: 891, 893, 926.

¹⁴ *Farge*. 1986: 234 — 258; *Chagniot*. 1990: 13 — 28; *Milliot*. 2011: 108 — 116.

и высшую. Из них средняя, по его мнению, была наиболее благополучной, а две других — каждая по-своему — вызывали озабоченность. Большую социальную проблему Парижа начальник полиции видел в том, что столица притягивала к себе отовсюду множество людей, не владевших никаким ремеслом, не входивших ни в какую профессиональную корпорацию, не имевших постоянного места жительства и занятых временной работой в портах, на рынках, улицах, площадях и перекрестках¹⁵. За ними нужно было постоянно присматривать, чтобы предупреждать их «нужды и недовольство». Это входило в обязанность полиции, тогда как за рабочими и слугами, имевшими постоянное место работы, надзирали их мастера и хозяева¹⁶. Другую проблему создавали представители социальной элиты, в чьи резиденции (такие, например, как Пале-Руаяль герцога Орлеанского) полиция официально доступа не имела. Информацию о происходящем там (в частности, о крамольных речах или о распространении запрещенной литературы) можно было получать через подкупленных слуг или проникавших туда тайных агентов. Средние же слои не создавали никаких проблем и даже, наоборот, помогали полиции, присматривая за своими работниками.

Для предупреждения возможных беспорядков нужна была информация об умонастроениях горожан. Если вернуться к двум отмеченным Мерсье функциям полиции (надзор и репрессии), которые далеко не исчерпывали всего широкого круга ее обязанностей, то преимущественно репрессивную сторону исследовал Роберт Дарнтон¹⁷. Мы же обратимся к работе осуществлявших надзор шпионов. Если Фарж и Ревеля интересовались преимущественно надзираемыми парижанами, то в центре нашего внимания будут надзирающие¹⁸. Имена этих людей неизвестны, но им явно не впервые приходилось излагать свои мысли на бумаге. Рапорты написаны хорошим почерком, четко, ясно, грамотно, подчас информация сопровождается комментариями и рассуждениями агентов. Похоже, что это были люди образованные. Можно даже предположить, что для них сочинять тексты являлось более привычным занятием, чем за кем-то следить, и делали они это с большим удовольствием.

¹⁵ Проблема большого количества бродяг, стекавшихся в Париж, беспокоила власти, включая полицию, с конца XVII в. О действиях полиции см.: *Farge, Revel*. 1988: 35 — 56.

¹⁶ *Lenoir*. 2011: 894 — 895.

¹⁷ *Дарнтон*. 2016; Дарнтон. 2017: 21 — 117.

¹⁸ Для изучения эволюции умонастроений горожан сохранность донесений второй половины XVIII в. слишком фрагментарна.

Возможно, среди них встречались неимущие литераторы, как среди изученных Дарнтоном цензоров. Фарж, правда, полагает, что они рекрутировались среди правонарушителей и бывших заключенных¹⁹. Впрочем, в ряды таковых могли попадать люди разного происхождения и образования.

Дорис Бахманн-Медик по поводу работы этнографа написала так: «Еще Клиффорд Гирц, сформулировав вопрос “Чем занимается этнограф?”, дал на него внешне скромный ответ: “Он пишет”. Как бы банально ни звучала эта мысль, но она новая. Потому что типичным ответом всегда было: “Он наблюдает, фиксирует, анализирует”. Письмо как таковое, создание рукописи, текста, долгое время оттеснялось на задний план и явно недооценивалось»²⁰. «Мухи», летавшие по парижским улицам, тоже, подобно этнографам, писали тексты. Они изначально в общих чертах знали, за чем следует наблюдать, что именно фиксировать и как это преподнести. Созданные ими тексты призваны были формировать представления начальника полиции о настроениях в городе. Но отвечали ли их донесения поставленной задаче, т.е. адекватно ли они передавали толки, циркулировавшие среди парижан, и полезна ли была сообщаемая ими информация? На эти вопросы мы постараемся ответить, обратившись непосредственно к текстам.

Сразу следует сказать, что далеко не все филеры добросовестно относились к исполнению своих обязанностей²¹. Похоже, в первой половине века агенты были усерднее и тщательнее собирали городские слухи. Впоследствии они как будто обленились и стали сообщать сведения, полученные из вторых рук. О многих описываемых ими событиях можно было прочесть в газетах, и не было никакой необходимости теряться в толпе прохожих, чтобы об этом узнать. Иногда при чтении донесений складывается впечатление, что их составители формально отработывали свой хлеб, заполняя бумаги общеизвестной информацией. Не исключено, правда, что рапорты, содержавшие по-настоящему ценные сведения, Лёнуар оставил у себя, не передав их в архив, но в его записках²² никаких упо-

¹⁹ *Farge*. 1992: 39.

²⁰ *Бахманн-Медик*. 2017: 170.

²¹ В 1730-е гг., как отмечала Фарж, они в большинстве своем проявляли служебное рвение, стремясь получить от начальника полиции достойную оплату своих трудов. См.: *Farge*. 1992: 37 — 39, 44 — 48.

²² *Lenoir*. 2011: 443 — 1063.

минаний об этом нет. Донесения одних агентов составлены безлично и больше похожи на рукописные газеты. Другие писали от первого лица, сообщая подробности об условиях своей работы, например, о том, что пошел дождь и потому агент не мог больше оставаться на улице и слушать разговоры прохожих²³.

Обстановка в стране и мире в годы, за которые сохранились донесения середины — второй половины XVIII в., существенно различалась. В 1740-е гг. шла Война за австрийское наследство, мирный 1774 год был ознаменован сменой монарха на престоле, в 1776 — 1777 гг. началась Война за независимость Америки, в которую Франция еще не вступила, а на 1780 — 1781 гг. уже приходилось участие Франции в Войне за независимость. Эти обстоятельства отразились на содержании донесений: в военное время их составители уделяли преимущественное внимание внешнеполитической информации.

В 1747 г., во время Войны за австрийское наследство агенты писали о том, как в Пале-Руаяле арестовали подозрительного иностранца, сочтя его голландским шпионом, а в кафе люди говорили о скором подписании мира и читали письмо из Бреста, в котором сообщалось о количестве находившихся там кораблей²⁴.

С 1776 г. главной темой донесений стала Война за независимость Америки. Агенты записывали слухи, касающиеся приезда во Францию Бенджамина Франклина²⁵, передвижений французских, английских и испанских эскадр²⁶, военных действий на море и на американском континенте²⁷, назначений на командные посты французского флота²⁸, поведения европейских держав по отношению к конфликту Великобритании с ее американскими колониями²⁹.

²³ АВ. 10169. Du 29 novembre 1747. F. 220.

²⁴ АВ. 10169. Du 25 août 1747. F. 128 v.-129; du 29 novembre 1747. F. 220.

²⁵ АВ. 10169. Du 21 décembre 1776. F. 372.

²⁶ АВ. 10169. Du 23 décembre 1776. F. 372 v. — 373; du 10 janvier 1777. F. 377 v.; du 28 septembre 1780. F. 398 v. — 399; du 22 octobre 1780. F. 412 — 412 v.

²⁷ АВ. 10169. Du 1^{er} février 1777. F. 378 — 378 v.; du 7 février 1777. F. 381 — 381 v.; du 7 septembre 1780. F. 386 — 387; du 15 octobre 1780. F. 408; du 29 octobre 1780. F. 416 v. — 417; du 12 novembre 1780. F. 425 v. — 426; du 23 novembre 1780. F. 429 — 429 v.; du 7 janvier 1781. F. 457 — 457 v.

²⁸ АВ. 10169. Du 9 février 1777. F. 382 v. — 383; du 5 octobre 1780. F. 403 v.; du 21 décembre 1780. F. 446.

²⁹ АВ. 10169. Du 17 septembre 1780. F. 392; du 28 septembre 1780. F. 398 v. — 399; du 31 décembre 1780. F. 453 — 453 v.

Иногда сообщаемую информацию агенты сопровождали своими комментариями. Так, передавая слухи о возможной новой войне России против турецкого султана (*le grand Seigneur*), который нарушает условия последнего мирного договора³⁰, агент высказывает следующую сентенцию: «Хотя кажется, что все Властители Европы готовятся к войне, можно надеяться, что никакие их прожекты не нарушат мудрости, коей твердо придерживается наше министерство, и хотя бы в этом году у нас не произойдет разрыва ни с какой державой; тем не менее, следует готовиться к самому неожиданному развитию событий»³¹. Когда писались эти слова, Война за независимость Америки уже шла, но король Франции в нее официально еще не вступил.

Позднее, когда французские войска уже воевали на стороне США, другой агент сопроводил сообщение о совершенном англичанами захвате русского корабля³² таким пространством суждением: «Заурядные политики не осознают, что подобная дерзость может быть жестом отчаяния и что эти безумные островитяне возомнили себя вправе бросать вызов всем Правителям европейского континента; [заурядные политики] сочтут за ловкость развязать сухопутную войну, но на какого союзника смогут они рассчитывать, нанося оскорбления всем Державам без разбора; напротив, все восхваляют добрые намерения Франции, все ее поддерживают, так что благодаря умеренной и осторожной политике ее кабинета она может не опасаться возбудить против себя зависть и ненависть, как при Людовике XIV; теперь они направлены против англичан, теперь их опасаются. Какие плоды рассчитывает получить от своей беспримерной дерзости Великая Британия, ежели она не желает стать совсем малой? Исчерпав свои людские и денежные ресурсы, она рискует потерпеть полное поражение. Она уже, кажется, должна запросить мира»³³. Агент не только гневно заклеил врагов Франции, но и позволил себе критически отозваться об агрессивной внешней политике Людовика XIV.

Других внешнеполитических новостей, не связанных с войной

³⁰ Кючук-Кайнарджийского мира (1774).

³¹ АВ. 10169. DU 10 février 1777. F. 383 — 383 v.

³² Неделей раньше об этом инциденте написал официальный орган «Газета Франции». Русский торговый корабль, шедший из Петербурга в Бордо с грузом пеньки и железа, был задержан английским катером и насильно препровожден в Портсмут. См.: *La Gazette de France, du Vendredi 22 septembre 1780*. P. 359.

³³ АВ. 10169. Du 28 septembre 1780. F. 398 v. — 399.

в Америке, в донесениях немного, и касаются они некоторых важных событий, способных повлиять на международную обстановку и на отношения иностранных государств с Францией, таких как смерть короля Португалии Жозе I³⁴, слухи о возможной реабилитации иезуитов в этой стране³⁵ или о предстоящих перестановках в австрийском кабинете министров после смерти императрицы Марии-Терезии³⁶.

В 1747 г., очевидно, до парижан доходили сведения о проектах введения первой двадцатины³⁷, и агенты передавали различные слухи, касающиеся налогов, особенно о необходимости обложить ими всех сообразно возможностям, включая духовенство³⁸. В 1770-1780-х гг. ни о каких разговорах про налоги агенты не сообщали.

Информаторы пристально следили за событиями придворной и светской жизни и за перестановками в министерстве. Они считали своим долгом сообщать о судебных процессах с участием титулованной знати³⁹, о рождении детей, заключении браков и о кончинах в аристократических семьях⁴⁰, о попытках расторжения брака⁴¹, о светских приемах⁴², о жалобах на самовольное присвоение титулов⁴³, о сокращении придворного штата и распределении придворных должностей⁴⁴, о воспитании принцев и назначении им гувернеров⁴⁵. Очевидно, агенты не всегда ясно понимали разницу между тем, что было интересно им самим, и информацией, полезной для начальника полиции. Так, сообщая об отставке принца де Монбаре с поста военного государственного секретаря, информатор писал, что его преемник еще не назначен, и указывал звучавшие в уличных

³⁴ АВ. 10169. Du 11 février 1777. F. 384.

³⁵ АВ. 10169. Du 23 novembre 1780. F. 429 — 429 v.

³⁶ АВ. 10169. Du 4 janvier 1781. F.455 v. — 456.

³⁷ Этот налог ввели в 1749 г.

³⁸ АВ. 10169. Du 3 octobre 1747. F. 184 v.; du 29 novembre 1747. F. 220.

³⁹ АВ. 10169. Du 25 août 1747. F. 128 v.-129; du 23 décembre 1776. F. 372 v. — 373.

⁴⁰ АВ. 10169. Du 25 août 1747. F. 128 v.-129; du 11 février 1777. F. 384; du 29 octobre 1780. F. 416 v. — 417; du 23 novembre 1780. F. 429 — 429 v.

⁴¹ АВ. 10169. Du 8 février 1777. F. 382 — 382 v.

⁴² АВ. 10169. Du 18 juillet 1774. F. 363.

⁴³ АВ. 10169. Du 22 décembre 1776. F. 372 — 372 v.

⁴⁴ АВ. 10169. Du 7 septembre 1780. F. 386 — 387; du 24 décembre 1780. F. 448 — 448 v.; du 4 janvier 1781. F.455 v. — 456.

⁴⁵ АВ. 10169. Du 8 octobre 1780. F. 406 — 406 v.

разговорах имена возможных кандидатов⁴⁶. Наверняка начальник парижской полиции, по рангу сам равный министру, располагал на сей счет более свежей и надежной информацией. Но политика в то время делалась за закрытыми дверями королевского кабинета, поэтому люди интересующиеся, но не вхожие в высокие правительственные круги, жадно ловили слухи о возможных министерских назначениях и отставках.

Особый интерес у полицейских агентов вызывала работа Парижского парламента, происшествия и конфликты в судейской среде. Это вполне объяснимо, поскольку парламентская оппозиция в 1770 — 1780-е гг. была важным фактором внутривластной жизни Франции. Кроме того, не исключено, что некоторые агенты сами могли происходить из судейской среды и/или как-то быть связанными с ней.

Один из них подробно описал скандальное происшествие, случившееся накануне отпевания Людовика XV в конце июля 1774 г. Церемониймейстер явился в Большую палату Парижского парламента, чтобы от имени короля пригласить парламент в полном составе на так называемую церемонию катафалка в королевской усыпальнице, базилике Сен-Дени. В особых обстоятельствах 1774 г. детали традиционной траурной церемонии обретали политический смысл. В последние годы царствования Людовика XV под руководством канцлера Рене-Никола де Моу проводилась парламентская реформа, воспринятая общественным мнением Франции как проявление деспотизма. После смерти короля и восшествия на престол его внука многие ожидали отмены реформы Моу, что впоследствии и произошло. Но пока еще непопулярный «парламент Моу» был на своем месте, и именно его пригласили участвовать в отпевании короля в Сен-Дени. Как сообщал полицейский агент, присутствовать на официальном приглашении собралось много народу, и некий молодой человек самовольно проник в Большую палату парламента на трибуны, предназначенные для судей, оскорбил одного из них и погрозил ему кулаком. Приставы задержали его и препроводили в тюрьму Консьержери. Там на допросе он оправдывался, говоря, что ошибся и принял магистрата за адвоката. В результате его приговорили к штрафу за оскорбление судьи. Продолжая тему недовольства реформой Моу, агент написал, что первый принц

⁴⁶ АВ. 10169. Du 24 décembre 1780. F. 448 — 448 v.

крови герцог Орлеанский и его сын герцог Шартрский не пожелали присутствовать на церемонии катафалка, чтобы не приветствовать парламент, а король за это, по слухам, не отправил их в ссылку, но только запретил появляться при дворе⁴⁷. Надо сказать, что случай в парламенте и поведение принцев крови приобрели широкую огласку, и о них можно было узнать не только из донесения секретного агента. Скандал освещали выходившие на французском языке и распространявшиеся во Франции иностранные газеты, в частности «Амстердамская газета»⁴⁸ и издававшиеся в Лейдене «Экстраординарные новости из разных мест»⁴⁹.

Помимо скандала в Большой палате, агенты информировали о различных судебных процессах, в том числе против чиновников по обвинению в мошенничестве и злоупотреблении властью⁵⁰, о конфликтах между магистратами и адвокатами в парламентах Парижа и Гренобля⁵¹ и зачем-то еще о таком рутинном событии, как начало ежегодных каникул Парижского парламента⁵².

Осенью 1780 г. в Париже заседала регулярная ассамблея клира, и в донесениях этого времени большое место заняло происходящее в рядах духовенства, прежде всего, работа самого собрания и дискуссии на нем, в частности, о беспорядках при взимании десятины и о возможном упразднении некоторых монашеских орденов⁵³. Подводя итог заседанию, агент заметил: «По-видимому, епископам, собиравшимся на ассамблею клира в этом году, нечего было сказать о религиозном поведении своей паствы и они не заметили никаких новых книг, способных вызвать скандал, достойный их внимания, потому как они не сочли нужным издать на сей счет инструкцию в назидание слабым душам, подобно прошлым ассамблеям»⁵⁴.

Другой агент обратил внимание на статью в янсенистской газете

⁴⁷ АВ. 10169. Du 29 juillet 1774. F. 359 — 359 v.

⁴⁸ URL: https://www.gazettes18e.fr/Gazette_Amsterdam_du_02_08_1774 (дата обращения: 29.03.2025).

⁴⁹ URL: https://www.gazettes18e.fr/Gazette_leyde_du_02_08_1774 (дата обращения: 29.03.2025).

⁵⁰ АВ. 10169. Du 29 juillet 1774. F. 359 — 359 v.

⁵¹ АВ. 10169. Du 7 septembre 1780. F. 386-387; du 21 septembre 1780. F. 394 — 395.

⁵² АВ. 10169. Du 7 septembre 1780. F. 387.

⁵³ АВ. 10169. Du 21 septembre 1780. F. 394 — 395; du 8 octobre 1780. F. 406 — 406 v.; du 22 octobre 1780. F. 412 — 412 v.; du 29 octobre 1780. F. 416 v. — 417.

⁵⁴ АВ. 10169. Du 29 octobre 1780. F. 416 v. — 417.

те *Les Nouvelles Ecclésiastiques* (в донесении она названа *La Gazette Ecclésiastique*) с суровыми обвинениями в адрес епископа г. Памье в провинции Фуа на юге Франции, который будто бы не служит мессу, редко появляется в своем диоцезе, погряз в роскоши, облагает народ налогами якобы на общественные работы, присваивает общественные деньги и т. д. Агент дал статье свою оценку: по его словам, это явная клевета, способная «вызвать лишь возмущение и презрение», а появилась она вследствие того, что упомянутый прелат благоволил иезуитам даже после их изгнания и был известен гонениями на янсенистов⁵⁵. Похоже, с точки зрения самого агента, симпатии к изгнанным иезуитам не выглядели крамольными, тогда как, говоря о янсенистах, он не жалел черных красок. В 1780 г., когда было составлено донесение, гонения на янсенистов уже несколько поутихли, хотя, как видно, эта проблема полностью не утратила актуальности, а подпольная янсенистская газета продолжала распространяться в Париже и привлекать внимание.

Конечно, агенты парижской полиции не упускали из виду трудности и проблемы повседневной жизни города и его обитателей. Они сообщали начальству о жалобах парижан на плохое состояние городских колодцев и канализации⁵⁶, о предпринимаемых горожанами попытках самостоятельно защищать свои дома от воров⁵⁷, о мошенниках, которые, переодевшись священниками, ходят по домам и собирают милостыню⁵⁸.

Осенним днем 1747 г. информатор отметил, что никогда на улицах Парижа не было такого количества нищих. Сочувствия к ним он не испытывал, полагая, что среди них могут быть бродяги, не желающие работать, и даже бандиты, а потому проходим они внушают страх. Как бы в подтверждение своей мысли о тревожной обстановке в городе он зафиксировал факт уличной драки, в которой участвовали несколько человек, вооруженных шпагами и палками. На полях этого донесения сделана пометка — по-видимому, начальником полиции — «обратить внимание инспектору квартала»⁵⁹.

⁵⁵ АВ. 10169. Du 21 septembre 1780. F. 394.

⁵⁶ АВ. 10169. Du 4 janvier 1781. F. 455 v. — 456.

⁵⁷ АВ. 10169. Du 14 février 1777. F. 385 v.

⁵⁸ АВ. 10169. Du 31 décembre 1780. F. 453 — 453 v.

⁵⁹ АВ. 10169. Du 3 octobre 1747. F. 185.

Тридцать лет спустя другой агент с увлечением описывал, как в морозные январские дни королева, принцы, принцессы и придворные катались на саних в Булонском лесу, а прекрасно освещенные и богато обставленные ювелирные лавки на улице Сент-Оноре привлекли множество народу, что вызвало небывалое скопление экипажей и затруднило движение. О том, как чувствовала себя в эти дни городская беднота, агент не написал. Его внимание было полностью сосредоточено на тех, кто катался на саних в Булонском лесу и посещал ювелирные лавки. В этом же донесении агент передал слух о намерении принца де Конде построить мост от площади Людовика XV⁶⁰, ведущий прямо к его дворцу. В данном случае агент позволил себе покритиковать принца, заметив, что в общих интересах было бы построить мост не там, где ему удобно, а напротив Дома Инвалидов⁶¹, где потребность в нем больше⁶².

Еще один филер сообщил «ценную информацию» об издании двух полицейских ордонансов: о поддержании чистоты улиц и о запрете торговцам давать внаем украшения, чем пользовались уличные девки⁶³. Писать начальнику полиции об издании полицейских ордонансов, не уведомляя его при этом, какой эффект они возымели, не имело никакого смысла. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с примером того, как налаженная бюрократическая машина начала работать вхолостую и донесения стали составляться не для доведения до сведения начальства полезной информации, а ради самого процесса бумаготворчества.

Агенты могли писать и о проявлении парижанами «правильных», верноподданнических чувств, в частности, о том, что после улучшения состояния городских тюрем появился стих, прославляющий генерального директора финансов Жака Неккера и Людовика XVI, которого сравнивали с Марком Аврелием⁶⁴.

Иногда информаторы описывали разные происшествия и странные случаи, например, распространившийся в Пале-Руаяле слух о том, что у женщины в животе обнаружили мертвого ребенка, который находился там 33 года, и будто бы хирурги удостоверяют этот

⁶⁰Нынешняя площадь Согласия.

⁶¹Т.е. на месте нынешнего моста Александра III, а не моста Согласия.

⁶²АВ. 10169. Du 4 janvier 1777. F. 374 — 374 v.

⁶³АВ. 10169. Du 23 novembre 1780. F. 429 — 429 v.

⁶⁴АВ. 10169. Du 8 octobre 1780. F. 406 — 406 v.

факт⁶⁵. Писали о популярности в аристократическом обществе учения Месмера, несмотря на его разоблачение и осуждение медицинским факультетом университета⁶⁶, о раскрытых убийствах (среди приговоренных к смертной казни за убийство оказался сын кучера Неккера⁶⁷) и грабежах⁶⁸.

Некоторые агенты сопровождали рассказы о происшествиях своими комментариями. Один поведал историю о том, как некто, переодевшись и представившись аббатом с графским титулом, якобы по поручению своего капитула явился к генеральному директору откупов за разрешением провезти в Париж беспошлинно повозку с вином. Директор откупов дал сборщику налогов распоряжение пропустить экипаж в сопровождении двух служащих, после чего в центре города «аббат» и повозка с вином успешно скрылись от сопровождения. «К чему только ни прибегает человеческая жадность, чтобы обмануть доверие» — такова выведенная агентом мораль сей истории⁶⁹.

Другой рассказал про священника, бросившегося в ноги королю, у которого в то время всё еще не было детей, и вручившего ему докладную записку с изложением различных способов, помогающих произвести на свет потомство. «Сколь самонадеян тот, кто кичится своим рассудком и полагает, что никогда его не утратит, впав в заблуждение» — подытожил информатор⁷⁰.

Еще один, сообщив о смерти от злокачественной лихорадки (*d'une fièvre maligne*) некой жены гвардейского капитана, госпожи Дезонвиль (*Desonneville*), поведал о ее незаурядном жизненном пути. По его словам, «для людей сведующих это целая историческая эпоха»: будучи по рождению американкой из простой семьи, она своей красотой очаровала английского высшего офицера, поведение которого будто бы привело в 1744 г. ни много ни мало к объявлению Францией войны Великобритании! «Великие события вызываются ничтожными причинами, есть любопытные обстоятельства этой истории, показывающие, от чего зависит сохранение или раз-

⁶⁵ АВ. 10169. Du 29 novembre 1747. F. 220.

⁶⁶ АВ. 10169. Du 22 octobre 1780. F. 412 — 412 v.

⁶⁷ АВ. 10169. Du 23 novembre 1780. F. 429 — 429 v.

⁶⁸ АВ. 10169. Du 21 décembre 1780. F. 446.

⁶⁹ АВ. 10169. Du 23 décembre 1776. F. 373 — 373 v.

⁷⁰ АВ. 10169. Du 4 janvier 1777. F. 375.

рушение Государства»⁷¹ — такой вывод сделал полицейский агент.

Отдельная тема в рапортах — газеты, памфлеты, литература, поэзия⁷² и — особенно — театр. Эти тексты явно писали люди, которые ходили в театр и любили его. Один из них негодовал засильем опер К.-В. Глюка на парижской сцене и утверждал, что при всем уважении к мастерству этого композитора новая постановка «Орфея» вызвала недовольство меломанов. Знаток возмутился, что спектакль в трех актах оказался короче, чем они привыкли: он начался в шесть часов и закончился уже без четверти восемь, несмотря на антракты, которых раньше не устраивали⁷³. Примерно через месяц тот же самый, судя по почерку, агент-театрал выразил удовлетворение тем, что наконец-то администрация пошла навстречу вкусам публики и стала давать в один вечер, наряду с «Орфеем» Глюка, оперу Ж.-Ж. Руссо «Деревенский колдун». Последняя для агента оказалась предпочтительнее как эстетически, так и политически. По его словам, публика устала от патетики Глюка и ей приятно, наконец, послушать свою родную, французскую музыку⁷⁴. В донесениях встречаются отзывы — преимущественно отрицательные — и на постановки драматических спектаклей⁷⁵. Так, информатор писал, что трагедия Лефевра «Зюма»⁷⁶ по-прежнему имеет успех, хотя в произведении можно найти множество недостатков и вообще оно посредственное. В связи с этой пьесой он высказал мнение о неразвитости вкуса публики: «Есть зрители, которые хотя и лишь переживать, не задумываясь о правдоподобии и о смысле»⁷⁷.

Один из агентов откликнулся на появление в Париже первой ежедневной газеты *Le Journal de Paris*. Несколько дней спустя после выхода первого номера он отметил, что газета издается, несмотря на встреченное противодействие, и философски изрек по этому поводу: «Все новые учреждения всегда находят как сторонников, так и критиков»⁷⁸.

⁷¹ АВ. 10169. Du 8 février 1777. F. 382 — 382 v.

⁷² АВ. 10169. Du 26 novembre 1780. F. 431; du 4 janvier 1781. F.455 v.-456; du 7 janvier 1781. F. 457 — 457 v.

⁷³ АВ. 10169. Du 6 janvier 1777. F. 375 — 375 v.

⁷⁴ АВ. 10169. Du 1^{er} février 1777. F. 378 — 378 v.

⁷⁵ АВ. 10169. Du 7 septembre 1780. F. 386 — 387.

⁷⁶ Трагедия Пьера-Франсуа-Александра Лефевра, поставленная при дворе в октябре 1776 г. и в Комеди-Франсез в конце января 1777 г.

⁷⁷ АВ. 10169. Du 9 février 1777. F. 382 v. — 383.

⁷⁸ АВ. 10169. Du 6 janvier 1777. F. 375 — 375 v. Газета начала выходить 1

В полицейских рапортах неоднократно встречаются имена знаменитостей. Донесения 1778 г., когда Вольтер в последний раз триумфально вернулся в Париж, где и умер, к сожалению, не сохранились, но и в годы пребывания философа в Ферне о нем не забывали. В частности, агент сообщил о попытках семьи Т.-А. де Лалли-Толландаля добиться пересмотра результатов его процесса⁷⁹. В связи с этим он вспомнил Вольтера и заметил с иронией, что сейчас повторение его аргументов вновь ни к чему не приведет, «но мы знаем, с каким пылом певец Генриха IV злоупотребляет своим талантом в поддержку собственного мнения, каким бы ошибочным оно ни было»⁸⁰.

На страницах донесений появляется также имя П.-О. Карона де Бомарше, но не как драматурга, а как фигуранта скандальных судебных процессов первой половины 1770-х гг., касающихся имущественных споров. Агенты сообщают о том, как Бомарше старался придать по возможности более широкую огласку своему оправданию, как он добивался публикации полной коллекции документов в свою защиту, включая прошения его адвокатов, ходатайство бывшего генерального контролера финансов А.-Р.-Ж. де Тюрго, соответствующее распоряжение короля и постановление Парижского парламента⁸¹.

Самое же популярное имя в донесениях 1780-1781 гг. — это журналист, литератор и адвокат Симон-Никола-Анри Ленге⁸², который в то время вернулся в Париж из Брюсселя и вскоре попал в Бастилию, где просидел два года. Поскольку судебная процедура при Старом порядке оставалась негласной, о судьбе Ленге публике доподлинно не было известно. Начальник полиции, разумеется, был обо всем хорошо осведомлен, но его агенты знали не больше, чем простые парижане и потому жадно собирали слухи. О том, что Лен-

января 1777 г.

⁷⁹Тома-Артюр, барон де Толландаль, граф де Лалли (1702 — 1766) — командующий французскими войсками в Индии во время Семилетней войны. За крайне неудачные действия был отдан под суд и приговорен к смертной казни по обвинению в измене. Вольтер безуспешно выступал в его защиту.

⁸⁰АВ. 10169. Du 7 février 1777. F. 381 — 381 v.

⁸¹АВ. 10169. Du 9 janvier 1777. F. 377/

⁸²С.-Н.-А. Ленге (1736 — 1794) был известен как противник энциклопедистов и либеральной экономической теории физиократов. В 1777 — 1792 гг. он издавал журнал «Политические, гражданские и литературные анналы XVIII века» (*Annales politiques, civiles et littéraires du dix-huitième siècle*), имевший большой успех у европейской читающей публики.

ге посадили в Бастилию, слух распространился мгновенно. Агент по этому поводу заметил, что знаменитый журналист нашёл себе врагов не только среди энциклопедистов и экономистов, но и «среди высших классов (*dans les plus hautes classes*)», в связи с чем его судьба волнует очень многих⁸³. О причинах его ареста высказывались самые разные предположения. Одни утверждали, что Ленге посадили за дерзкое письмо маршалу де Дюрасу⁸⁴, и выражали надежду, что тот проявит великодушие, потому как, хотя Ленге и позволял себе нападки на министров короля и других высокопоставленных лиц, но всё же был не столь дерзок, как некоторые магистраты Парижского парламента или энциклопедисты⁸⁵. Выдвигалась и более серьёзная версия, согласно которой Ленге понес наказание за государственную измену, в частности, за то, что будто бы призывал императора Иосифа II вернуть себе Лотарингию, пока Франция занята войной в Америке и не может ничего предпринять. Однако, по словам агента, не все этому верили и говорили, что на самом деле Ленге предан своему королю и любит родину⁸⁶. Версии дальнейшей судьбы Ленге различались в зависимости от того, что люди считали причиной его ареста: дерзкое письмо высокопоставленному лицу или государственную измену. Первые полагали, что он недолго пробудет в Бастилии, о чем свидетельствует хотя бы разрешение взять с собой книги и продолжать писать⁸⁷. Тем же, кто обвинял его в измене, виделись более мрачные перспективы. Говорили, что он то ли сошел с ума в тюрьме, то ли отправился на каторгу в колонии и там умер⁸⁸, то ли был повешен. По поводу последнего слуха агент заметил, что люди беспристрастные и здравомыслящие этому не верят, так как это было бы незаконно, бесчеловечно и несправедливо, а следовательно, невозможно в царствование «французского Тита (*le Titus de la France*)» — великого короля, желающего править по закону⁸⁹. По словам филера, слух о повешении Ленге возник из-за злой шарады, придуманной его недоброжелателями: из первой части его имени делают веревки (*lin* — лён), вторая часть сопровождает на виселицу (*guet* — караул), а всё вместе (*Linguet*) заслу-

⁸³ АВ. 10169. Du 5 octobre 1780. F. 403 v.

⁸⁴ Эмманюэль-Фелисите де Дюрфор, герцог де Дюрас (1715 — 1789) — маршал Франции и член Французской академии.

⁸⁵ АВ. 10169. Du 15 octobre 1780. F. 408.

⁸⁶ АВ. 10169. Du 24 décembre 1780. F. 448 — 448 v.

⁸⁷ АВ. 10169. Du 15 octobre 1780. F. 408.

⁸⁸ АВ. 10169. Du 24 décembre 1780. F. 448 — 448 v.

⁸⁹ Т.е. Людовика XVI.

живает повешения⁹⁰. Подробный рассказ о злочлечениях Ленге в полицейских донесениях показывает не только особенности работы пенитенциарной системы Старого порядка, но и различия в представлениях о знаменитостях у современников и у потомков: ныне известный лишь узкому кругу историков Ленге занимал умы людей второй половины XVIII в. не меньше, чем Вольтер и Бомарше.

Отвечая на вопрос о том, дают ли полицейские «газетки» представление о настроениях в Париже, можно сказать, что в них содержится информация, которая, с точки зрения самих филеров, имела ценность и могла бы привлечь внимание их начальства. Отчасти эти сведения отражали общественные умонастроения, поскольку сами полицейские агенты принадлежали к парижскому обществу и разделяли его интересы. Если сравнивать изученные мной полицейские рапорты с теми, с которыми работали Фарж, Ревель и Маланден, то можно заметить, что ко второй половине XVIII в. агенты постепенно перешли от слежки за гражданами к составлению «хроники текущих событий», т.е. шпионы перестали исполнять изначально поставленную перед ними задачу. Они писали не о том, что могло иметь значение для поддержания порядка в столице, а о том, что им казалось интересным. В составленных ими рапортах заметно влияние широко распространенных в это время газет, в том числе «рукописных новостей» (*les nouvelles à la main*)⁹¹, которым агенты — осознанно или нет — явно подражали. Подобно тому, как изученные Дарнтоном королевские цензоры выступали одновременно в качестве научных и художественных редакторов, шпионы второй половины XVIII в. уподобились журналистам. Производимые ими тексты становились разновидностью рукописных газет и в этом смысле оправдывали свое необычное для полицейских донесений название.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AB — Bibliothèque de l’Arsenal. Archives de la Bastille.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

⁹⁰ AB. 10169. Du 7 janvier 1781. F. 457 — 457 v.

⁹¹ Moureau. 1999.

Bibliothèque de l’Arsenal. Archives de la Bastille. 10155 — 10170. Gazetins de la police secrète rédigés pour le lieutenant général, et quelques nouvelles à la main, où sont consignés au jour le jour les propos de la Cour et de la ville, des promenades publiques, des salons et des cafés.

Мерсье Л.-С. Картины Парижа. М., 1995.

La Gazette d’Amsterdam. 02.08.1774. URL: https://www.gazettes18e.fr/Gazette_Amsterdam_du_02_08_1774 (дата обращения: 29.03.2025).

La Gazette de France, du Vendredi 22 septembre 1780.

Lenoir J.C.P. Mémoires de J.C.P. Lenoir (1732 — 1807), ancien lieutenant général de police de Paris, écrits en pays étrangers dans les années 1790 et suivantes // *Milliot V.* Un policier des Lumières suivi de Mémoires de J.C.P. Lenoir. Seyssel, 2011. P. 443 — 1039.

Les Nouvelles Extraordinaires de Divers Endroits. 02.08.1774. URL: https://www.gazettes18e.fr/Gazette_leyde_du_02_08_1774 (дата обращения: 29.03.2025).

Историография

Бахманн-Медик Д. Культурные повороты: Новые ориентиры в науках о культуре. М., 2017.

Дарнтон Р. Поэзия и полиция: Сеть коммуникаций в Париже XVIII века. М., 2016.

Дарнтон Р. Цензоры за работой: Как государство формирует литературу. М., 2017.

Chagniot J. La lieutenance générale de police de Paris à la fin de l’Ancien Régime // Les Institutions parisiennes à la fin de l’Ancien Régime et sous la Révolution / sous la dir. d’Y. Durand. P., 1990. P. 13-28.

Farge A. Dire et mal dire. L’opinion publique au XVIIIe siècle. P., 1992.

Farge A. La Vie fragile. Violence, pouvoirs et solidarités à Paris au XVIIIe siècle. P., 1986.

Farge A., Revel J. Logiques de la foule. L'affaire des enlèvements d'enfants, Paris 1750. P., 1988.

Favier J. Paris. Deux mille ans d'histoire. P., 1997.

Malandain G. Les mouches de la police et le vol des mots: Les gazetins de la police secrète et la surveillance de l'expression publique à Paris au deuxième quart du XVIIIe siècle // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. 1995. № 3 (42). P. 376-404.

Milliot V. Un policier des Lumières suivi de Mémoires de J.C.P. Lenoir. ancien lieutenant général de police de Paris, écrits en pays étrangers dans les années 1790 et suivantes. Seyssel, 2011.

Moureau F. Répertoire des nouvelles à la main: Dictionnaire de la presse manuscrite clandestine, XVIe-XVIIIe siècle. Oxford, 1999.

REFERENCES

Bahmann-Medik D. Kul'turnye povoroty: Noye orientiry v naukah o kul'ture. M., 2017.

Chagniot J. La lieutenance générale de police de Paris à la fin de l'Ancien Régime // Les Institutions parisiennes à la fin de l'Ancien Régime et sous la Révolution / sous la dir. d'Y. Durand. P., 1990. P. 13 — 28.

Darnton R. Poeziya i policiya: Set' kommunikacij v Parizhe XVIII veka. M., 2016.

Darnton R. Cenzory za rabotoj: Kak gosudarstvo formiruet literaturu. M., 2017.

Farge A. Dire et mal dire. L'opinion publique au XVIIIe siècle. P., 1992.

Farge A. La Vie fragile. Violence, pouvoirs et solidarités à Paris au XVIIIe siècle. P., 1986.

Farge A., Revel J. Logiques de la foule. L'affaire des enlèvements d'enfants, Paris 1750. P., 1988.

Favier J. Paris. Deux mille ans d'histoire. P., 1997.

Malandain G. Les mouches de la police et le vol des mots: Les gazetins de la police secrète et la surveillance de l'expression publique à Paris au deuxième quart du XVIIIe siècle // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. 1995. № 3 (42). P. 376 — 404.

Milliot V. Un policier des Lumières suivi de Mémoires de J.C.P. Lenoir. ancien lieutenant général de police de Paris, écrits en pays étrangers dans les années 1790 et suivantes. Seyssel, 2011.

Moureau F. Répertoire des nouvelles à la main: Dictionnaire de la presse manuscrite clandestine, XVIe — XVIIIe siècle. Oxford, 1999.